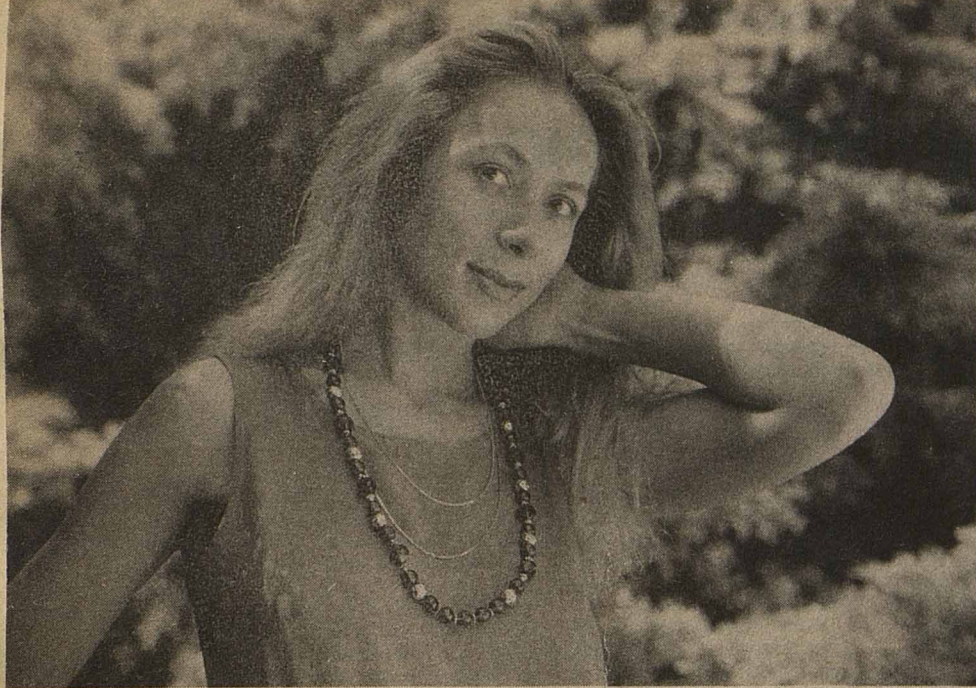

Клубные встречи

Оксана Мысина — актриса, с которой связаны самые яркие впечатления прошлых театральных сезонов: роль Катерины Ивановны в «К.И. из «Преступления» Камы Гинкаса и мадам де Сталь в спектакле Бориса Львова-Анохина «Героическая комедия». Восемь лет бывшая звездой театра «На Спартаковской площади» Светланы Враговой (ныне театр «Модернь») Оксана теперь работает по контракту. Поэтому свободно перемещается по Москве из ТЮЗа в Новый драматический театр, а оттуда в кино, где сыграла в фильме Вадима Абдрашитова «Пьеса для пассажира».

Оксана МЫСИНА:

«Вот я стою на сцене и знаю, что в меня влюблен Александр I»

Веч. клуб. — 1995. — 22 авг. — С. 7.

— Оксана, не смущает вас интерес критики в связи с последними работами?

— В театре я почти десять лет, так что если появился профессиональный интерес ко мне — пусть будет. Мои внутренние установочки он не поколеблет.

— Ваша звездная роль — Катерина Ивановна — сложная, страшная. Как вы себя чувствуете после спектакля?

— Придешь после «К.И.» в примерку мокрая, вся в синяках и шишках, руки дрожат. И прибегают дети, которые знают, что я вся в слезах. У нас сложился такой ритуал: они обнимают меня и убеждают: «Оксана, не расстраивайся, все кончилось хорошо. Как тебе хлопало, а как плакали!» И через две минуты я успокаиваюсь. Только потом полночи прокручиваю в уме спектакль.

— Что испытываете, когда Катерина Ивановна произносит свой бесконечный изматывающий монолог?

— Восторг. Как Маргарита, которая летит над городом. Кстати, я мечтаю когда-нибудь сыграть Маргариту. А вообще в момент игры я не контролирую своих чувств. Это не на каждом спектакле случается, но такое наше дело — живое. Помню, в пионерском лагере я сыграла свою первую роль — Бабу-Ягу. В экстазе, загримированная, я влезла на десятиметровый столб и оттуда вела свою роль, размахивая зонтиком. Иногда, приезжая в те места, я подхожу к этому столбу и смотрю на него с тоской. Состояние, в котором можешь делать невероятные вещи, преодолевать свою природу, мне знакомо.

— За Камой Гинкасом закрепились репутация деспотичного, резкого и сурового режиссера.

— Это он сам говорит о себе, что, мол, деспот и страшный человек. А я в своей жизни не встречала режиссера более открытого и незащищенного. Он как ребенок. Скажут, что работать с ним — счастье, значит, ничего не сказать. Репетируя, я летала, как на крыльях. К тому же он — потрясающий актер.

— Как Гинкас нашел вас?

— Это я его нашла после того, как меня выгнали из театра «На Спартаковской». Спектакль Гинкаса «Играем «Преступление» был для меня одним из самых сильных театральных потрясений. Я собралась с духом и позвонила ему. При встрече Гинкас предложил мне «кое-что», это была рукопись «К.И.» Мы не заметили, как проговорили шесть часов.

— Верите в судьбу?

— Верю, знаю, что со мной произойдет, и готовлюсь к этому.

— А еще вы верите в гороскопы, предсказания, приметы...

— Гороскопы стараюсь не читать, хотя удержаться трудно. Я страшно мнительная. Однажды, наступив на разбившуюся лампочку, поверила, что в меня вошло стекло и вонзилось в сердце. Врач «скорой», узнав, что я актриса, предостерегал меня от самовнушения. С тех пор я поняла, что с собственной психикой шутки плохи, и стала легкомысленно относиться ко всем болезням. Верить во все, что чувствуешь, нельзя.

— Не понимаю, как могли выгнать из театра «На Спартаковской» вас, звезду, исполнительницу главной роли в таком известном спектакле Светланы Враговой, как «Дорогая Елена Сергеевна»?

— Сначала я сыграла по приглашению Львова-Анохина премьеру «Письма Асперна» в Новом драматическом театре. Это вызвало подозрение, будто бы я хочу уйти из «родной» труппы. Повод к скандалу был незначительный, а оскорбления и обвинения в предательстве — слишком серьезные. Я провела в театре «На Спартаковской» более восьми лет и не собиралась уходить. Но когда мне говорят «вон!», я не могу оставаться, я ухожу.

— Останься вы в театре, вряд ли вы бы позвонили Гинкасу. С кем бы он тогда сделал спектакль, потрясший театралов?

— Он хотел ставить «К.И.» с Инной Чуриковой или с Мариной Нееловой.

— Кстати, критики часто сравнивают вас с Инной Чуриковой. Как вы к этому относитесь?

— Сравняют еще и с Серафимой Бирман. Видимо, имеется в виду своеобразная внешность. Я обожаю Чурикову. И Мэрил Стрип, великую и тонкую актрису. Одним из самых высоких образцов считаю Евгения Павловича Леонова.

— Когда в спектакле «К.И.» вы играете на скрипке, я вспоминаю, что вы закончили Гнесинку...

— Когда мы жили в Донбассе, родители привезли из Москвы кучу пластинок. И мы с сестрой, которая потом стала профессиональной скрипачкой, целыми днями слушали концерт Вивальди для двух скрипок в исполнении Игоря и Давида Ойстрахов и двойной концерт Баха. Выяснилось, что у нас врожденный абсолютный слух. Мой педагог в музыкальной школе Абрам Львович Альперин стал для меня первым педагогом по мастерству актера: он ощущал во мне сверхэмоциональность, видел, как трудно дается мне техника и как хорошо — чувства. Он распахивал окно, за которым цвела сирень, и я,

не глядя на пальцы, на скрипку, играла Чайковского. Благодаря скрипке мы с сестрой всегда были «при деле»: все дети бегают-играют, а я в слезах иду с футляром на занятия.

— Как же в такой напряженной музыкальной жизни нашлось место театру?

— Я всегда знала, что буду актрисой. Но в старших классах внезапно выросла и страшно перепугалась: была миниатюрной хорошенькой девочкой, а превратилась в версту. Ощущала я себя лирической героиней, а зеркало говорило другое. Поэтому, чтобы разобраться в себе и как-то потянуть время, я поступила в Гнесинское училище. После первого курса решила испытать себя в деле и отправилась в театр «На Красной Пресне» к Вячеславу Спесивцеву. Там делала все: мыла полы, плела канаты, пела, немножко играла на скрипке и на гитаре. Первой большой ролью стала Птица Феникс в рок-опере «Садко». Когда один из моих гнесинских педагогов увидел постановку, разразился скандал: значит, вместо ежедневных упражнений я с утра до ночи занималась какой-то ерундой?! На педсовете я сказала в свое оправдание, что если уйду из театра, то перестану жить. Меня простили и дали доучиться. Но в консерваторию я уже не пошла, не оправдала надежд.

— В свое время театр Спесивцева был легендарным местом, где зарождалось движение театров-студий. Как он повлиял на вас?

— Любовь к театру гораздо больше, чем просто выйти на сцену и увидеть заполненный зрительный зал. Стройка в театре, цемент, мытье полов — вот проверка настоящей любви. Мои лошадиная выносливость, за которую теперь так хвалят режиссеры, — оттуда, с Пресни. Отношения со Спесивцевым были сложными, но доверительными. Он мог взять меня участвовать в концерте в Колонном зале, и там полтора часа я пела под гитару. Он верил мне как певце.

— Какой у вас был репертуар?

— Русские романсы, Окуджава, Дольский. Он сложился сам собой, когда я самостоятельно научилась играть на гитаре. Сейчас мне иногда приходится в голову сделать программу для небольшого зала, как в Доме актера. Но только если будет перерыв в работе. Есть еще одна мечта — сделать такую программу не под гитару, а с оркестром.

— Третьим режиссером в вашей жизни оказался Борис Александрович Львов-Анохин. Как вы к нему относитесь?

— Работаем душа в душу. Львов-Анохин — интеллигентнейший человек, тонкий, оба-

тельный. У него репутация солидного классика, а на самом деле он редкий хулиган. Никто не знает, что кроется под его взлохмаченной гривой. Женские роли показывает замечательно, чувствуя психологию и фантазируя. Он человек свободный, независимый, без комплексов. Мне кажется, мы открыты друг с другом, хотя о нем и говорят как о великом дипломате.

— Как вам удаются такие разные персонажи: отчаявшаяся Катерина Ивановна и безобразная богиня мадам де Сталь?

— Все героини — модификации моего «я». Мадам де Сталь, к примеру, — почти мужской характер, и для нее я развиваю в себе светскость, мощь. Эта женщина может управлять миром, сидя дома. Конечно, многое идет и от эксцентричного облика. Я исповедую перевоплощение как способ сценического существования. Вот я стою на сцене и знаю, что в меня влюблен император Александр I. Сама в это верю, зрителей заставляю поверить и еще получаю дополнительный допинг как женщина.

— Вам нравится неузнаваемо меняться?

— Конечно. Я ощущаю себя мощной и красивой актрисой. В зеркале такое не всегда увидишь, а грим де Сталь придает облику утонченность и завершенность. Когда мой друг спросил, что я думаю о пьесе Брукнера «Героическая комедия», я ответила: потрясающе, там не меньше шести переодеваний! Рассерженный Львов-Анохин заявил на мои восторги, что играть мне предстоит в одном платье. К счастью, потом он смягчился.

— Не следует ли из нашего разговора, что вы обладаете здоровым «комплексом полноценности»?

— Я обрела уверенность, когда ушла из театра и стала работать самостоятельно.

— Такое позволяют себе пока лишь единицы: Сергей Шакуров, Олег Меньшиков... Вы не боитесь будущего?

— Нет. Моя трудовая книжка лежит дома. Я не собираюсь когда-нибудь получать пенсию, буду работать, пока не умру. Вообще актер должен уметь все. А для того, чтобы быть правдивым, необходимо испытывать все. Так мне казалось в студенческие годы, когда я училась на курсе Михаила Царева.

— То есть, играя в «Яме» Куприна, актриса должна поработать в публичном доме?

— Или хотя бы познать что-то близкое, иначе ее игра будет фальшивой. Когда я играла майора Греча в Щепкинском училище, я посещала операции в Боткинской больнице. Доводила себя до полубодрости. Психологически было очень тяжело, но я заставляла себя. Сейчас мои взгляды несколько изменились: пытаюсь использовать внутреннюю, интуитивные резервы.

— Конечно, сыграть смерть Катерины Ивановны опыт не поможет... В «К.И.» вы обращаетесь к зрителям, вытаскиваете их на сцену. После спектакля вы дарите цветы тем зрителям, которым больше всего «досталось». Кто это придумал?

— В первый раз мне подсказал это Джон Фридман — мой муж, филолог, театральный критик, обозреватель «Moscow Times» и автор телепрограммы «Суфлер». Я тогда казнулась после спектакля, что замучила какую-то бедную, ни в чем не повинную женщину. С тех пор один из своих букетов я всегда отдаю той зрительнице, которой приходится играть роль Амалии Ивановны... А вообще Джон очень тонко меня понимает. Мы женаты уже шесть лет. Джон пришел на спектакль «Дорогая Елена Сергеевна» в театр «На Спартаковской» и, как утверждает, сразу влюбился. Весь театр шипел, чтобы я не упустила американца. А я думала, что такой красивый парень не для меня. Но он, видимо, считал по-другому.

— Вы ощущаете зрительскую благодарность?

— Зрители «К.И.» становятся мне просто родными, встретив их на улице, я могу разговаривать часами. Наше знакомство произошло на спектакле, но когда открываешь душу, зритель становится для тебя самым нужным и близким человеком.

— Это отличается от профессионального партнерства?

— Наверное, какой у тебя партнер, так ты и играешь. Мои любимые партнеры в «К.И.» — это дети. Мы — единое целое. Они потрясающе импровизируют, и о репетициях Гинкаса с детьми можно написать целый роман.

Гостью принимала
Наталья КОЛЕСОВА